

На правах рукописи

НЕМЕЦ Николай Георгиевич

**УТЕШЕНИЕ КАК МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ СТРУКТУРЫ
САМОСОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ**

Специальность 19.00.05 – социальная психология

Автореферат

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук**

Ярославль – 2007

**Работа выполнена на кафедре социальной психологии
Тверского государственного университета**

- Научный руководитель -** доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Романов Алексей Аркадьевич
- Научный консультант -** доктор психологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ
Шикун Алексей Федорович
- Официальные оппоненты:** доктор психологических наук, профессор,
Обозов Николай Николаевич,
Академия психологии,
предпринимательства и менеджмента
- доктор психологических наук, профессор
Решетников Михаил Михайлович,
Восточно-Европейский институт
психоанализа
- Ведущая организация -** Санкт-Петербургский государственный
институт психологии и социальной работы

Защита диссертации состоится « 14 » сентября 2007 г. в 10.00 часов
на
заседании диссертационного совета Д 212.002.02 в Ярославском государ-
ственном университете им. П.Г. Демидова по адресу: 150057, г. Яро-
славль, проезд
Матросова, 9, ауд. 208

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ярославского
государственного университета им. П.Г. Демидова

Автореферат разослан « 9 » августа 2007 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Клюева Н.В.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Актуальность проблемы вызвана, с одной стороны, активными преобразованиями социальных структур России, происходящими в настоящее время, а, с другой стороны, - определенным дефицитом психологических знаний, необходимых для формирования гармоничных отношений между людьми в процессе их социальной активности. Произошедшие за последние два десятилетия трансформации в общественно-государственном устройстве страны, обусловили серьезные изменения в жизни российских граждан, значительное число которых находится под негативным воздействием социально-экономических реформ. Процесс реформирования общества способствует возникновению социально-стрессовых ситуаций, которые влияют, в первую очередь, на структуру самосознания личности и ее адаптацию к ним, формируя негативные изменения социально - психологического климата и отрицательную динамику проявления ее социальной активности. По этой причине личность является стратегически важным объектом оказания социально-психологической помощи. Очевидно, что актуальность исследования проблемы социально-психологической помощи личности обусловлена решением сложной задачи - уменьшить воздействие на личность негативных последствий процессов форсированного реформирования общества. Личность наиболее восприимчива к нормативным и ненормативным стрессам, когда возникает необходимость переосмысливания своего образа жизни в условиях изменения социально - психологического климата в обществе. В этот период процесс самосознания личности находится на начальной стадии и процессы социально - психологической адаптации, а также процессы воздействия стрессов и дискомфорта переживания наиболее интенсивны. Это время формирования совместной ценностной системы личности, ее норм, традиций и санкций. В силу сенситивности свойств личности она наиболее подвержена влиянию различных депривирующих воздействий, что обусловило выбор изменения самосознания личности в условиях дискомфорта переживания в качестве объекта социально - психологической помощи, которая может осуществляться психотерапевтическим путем. С этих позиций психотерапевтическая помощь представляет собой планируемый межличностный процесс, в ходе которого человек с меньшими нарушениями (психотерапевт) пытается помочь человеку, испытывающему более серьезные нарушения (клиенту), решить его проблемы. Взаимодействие между двумя участниками данного процесса осуществляется преимущественно с помощью вербальных средств, хотя определенную роль в нем играют также жесты, движения тела и внешние проявления аффектов.

В настоящее время нет единства взглядов относительно факторов, влияющих на исходы психотерапии. Однако такие общие факторы, как про-

буждение надежды, эмоциональная разрядка, объяснения, поддержка и интерес со стороны психотерапевта, играют, по-видимому, важную роль, помогая клиенту изменить дефектные восприятия, эмоции и формы поведения.

Обычно люди обращаются за психотерапевтической помощью в тех случаях, когда испытывают дискомфорт или страдание. Хотя предъявляемые ими жалобы могут быть различными, наиболее часто речь идет о низкой самооценке, чувстве отчаяния, деморализации и тревоге, а также о трудностях в межличностных отношениях. Не каждый человек с такими симптомами обращается к психотерапевту. Однако названные переживания присущи большинству людей, которые в поисках помощи приходят в кабинет психотерапевта. Поэтому целью психотерапевтической помощи является облегчение ситуации клиента.

Хотя существует несколько сотен различных форм или направлений психотерапии, положительные результаты, о которых все они сообщают и которые в некоторых случаях можно считать доказанными, являются, вероятно, следствием факторов или переменных, общих для всех этих форм или направлений. Подобное предположение было высказано более пятидесяти лет назад, но признание оно получило лишь в последнее десятилетие. Понятно, что людям, затратившим большие усилия на овладение тем или иным подходом психотерапии, трудно признать важность факторов, общих для всех направлений психотерапии.

Поэтому с полным правом можно также утверждать, что психотерапия представляет собой систематический процесс оказания помощи, способствующий изменениям и эволюции внутри-психических функций, межличностных отношений и способности человека разрешать важные вопросы жизни. Используя информацию, полученную в результате осуществляемых в соответствии с определенными теориями наблюдений за отношениями клиента с психотерапевтом, другими людьми и в значимых средовых контекстах (например, работа, служба), психотерапия концентрируется на приведении интрапсихических структур, когнитивных процессов и поведенческого репертуара индивида в соответствие с его потребностями и возможностями в социуме.

Комплекс проблем, связанных со спецификой психотерапевтической деятельности как особого вида интерактивно - коммуникативного «архива практик», в духе М. Фуко, ставит целый ряд вопросов перед теоретиками и практиками, задействованными в различных областях психотерапевтической интеракции, включая и психоанализ. Как известно, психотерапевтическая деятельность наряду с психоаналитической деятельностью (психоанализом) существует уже более ста лет, тем не менее, мечты основателя психотерапии и психоанализа видеть их в качестве самостоятельной научной дисциплины – *научной психологии* – остаются, по признанию исследователей, все еще не реализованными, несмотря на поиск соответствия между нейрофизиологическими и психологическими механизмами и выявление параллелей между онтогенетическим развитием индивида и филогенетическим развитием человечества, несмотря на использование психоаналитического или психо-

терапевтического сеанса в своей профессиональной деятельности как своего рода лабораторию анализа коммуникативных проявлений (высказываний, действий) клиента (пациента) и контроль за его душевными процессами (Н.С. Автономова, 2000: 15; В.М. Лейбин, 2000: 49-50; М.М. Решетников, 2000: 42).

И хотя, как известно, «позднее Фрейд во всем этом усомнился» и «соответствия между нейрофизиологическими и психологическими процессами не нашел», он «никогда не оставлял надежду на то, что оно когда-нибудь обнаружится» (Н.С. Автономова, 2000: 15). Но даже если «онто - фило-генетическая параллель осталась гипотезой, граничащей с мифом», а «послефрейдское существование психотерапии и психоанализа в западной культуре неотступно сопровождалось вопросом о том, что же такое психоанализ: если это не наука, как хотелось Фрейду, то может быть – философия, идеология, мировоззрение, квази-религия, искусство, особая психотехника» (Н.С. Автономова, 2000:15; В.А. Лекторский, 2000: 4-6, 2005: 11; В.И. Овчаренко, 2000: 33-35), то актуальность проблемы статуса психотерапевтической интеракции в практической деятельности с клиентами в различной сфере социальных отношений и полноценная подготовка кадров в этой области с учетом специфики социальной активности человека не только не снижается, а сама проблема, по признанию специалистов (В.М. Лейбин, 2000; М.М. Решетников, 2000), становится все острее.

И если в западной культуре постиндустриального общества существование психотерапевтической интеракции и ее психоаналитической разновидности не оспаривается и не вызывает возражений накопленный багаж знаний о бессознательном, соотношении бессознательного и языка, специфике факта в психоанализе, философских параметрах лингвистического психоанализа Ж. Лакана и о многих других аспектах, актуальных в современной западной и отечественной психотерапевтической деятельности, то в современных отечественных публикациях довольно часто высказывается мнение о том, что «практический психоанализ в современной России невозможен» (М.М. Решетников, 2000: 42).

Тем не менее, несмотря даже на то, что мы находимся в ситуации «догоняния и усвоения того, что было выработано не нами» (Н.С.Автономова, 2000: 15), актуальность исследования теоретических и практических аспектов психотерапевтической интеракции в широком и узком смысле понимания данного феномена для отечественной психологии вообще и социальной психологии в ее «практической разновидности в виде терапевтического дискурса» (А.А. Романов, И.Ю. Черепанова, 1999; Е.Г. Романова, 2001), анализа социальной активности человека, «этогенической психологии», по Р. Харре, Дж. Джиллету (R. Harre, G. Gillett, 1994) в частности, очевидна.

По данным исследователей, на протяжении последних 15 лет социально-экономических преобразований в России наблюдается «беспрецедентный рост психопатологии» (например, по сравнению с 1985 г. – увеличение в 2,5 раза), и ее количество в России, по данным экспертов ВОЗ, «превышает уровень в других европейских странах в 4-6 раз» (М.М. Решетников, 2000: 43).

Причем, «значительную часть этой психопатологии (до 60%) составляют личностные расстройства», которые требуют не столько психиатрической, сколько психотерапевтической помощи, хотя хорошо известно, что обеспеченность государственных учреждений здравоохранения медицинскими психологами и психотерапевтами составляет 3 и 19 % соответственно. А в остальных случаях, по данным М.М. Решетникова (2000: 44), «ставки психотерапевтов либо пустуют, либо заполняются психотерапевтами по совместительству (отоларингологами, гинекологами и т.д.)».

По официальным данным на 2000 г. в стране было всего около 2 тысяч дипломированных психотерапевтов и 15 тысяч психиатров. По свидетельству В.М. Лейбина (2000: 49), в 2000 г. «в России только один психоаналитик являлся признанным членом Международной психоаналитической ассоциации» и не было в стране «ни одной официальной организации (комиссии), которая бы обладала правом выдавать практикующим аналитикам сертификат специалиста-психоаналитика». Такое положение с подготовкой психологических кадров для страны с учетом глобального социально - экономического кризиса далеко от идеала, тем более что, если ничего не менять в этом направлении, то адекватное запросу социума количество специалистов может появиться через 300 лет, а «мы и сейчас уже достаточно психопатологизированная нация» (М.М. Решетников, 2000: 44; см. также: П.С. Гуревич, 2000; В.М. Лейбин, 2000; В.А. Лекторский, 2000; Овчаренко, 2000; В.Н. Руткевич, 2000). Неслучайно, что образовавшееся вакантное «психотерапевтическое пространство» заполняет «альтернативная волна» (около 300 тысяч) в виде магов, колдунов, провидцев, экстрасенсов, знахарей и т.д., положительную ценность которой можно усмотреть в выявлении и демонстрации реальных потребностей профессионалов на рынке психотерапевтических услуг, спрос на которых особенно в различных сферах трудовых отношений очевиден, о чем говорит официальная статистика. Так, по заключениям экспертов ВОЗ, от 30 до 40% пациентов в постиндустриальном социуме, которые обращаются к врачам-интернистам, нуждаются не в терапевтической, а в психотерапевтической помощи и их количество в мире может возрасти к рубежу 2005/2006 гг. вдвое. И наша страна с ее спецификой социально - экономического развития, скорее всего, не сможет избежать этой тенденции.

Но если у нас, исходя из выше приведенных данных, только 1 из 7 клиентов/пациентов может своевременно обратиться за помощью к специалистам, а остальные вынуждены решать свои проблемы в контактах с ясновидящими, колдунами и знахарями, то получается, что находящиеся в неблагоприятной психопатологической среде и нуждающиеся в какой-либо профессиональной психологической поддержке или психотерапевтической коррекции люди имеют минимальную возможность на оказание профессиональной помощи.

Поэтому приведенные данные не в последнюю очередь свидетельствуют о необходимости развития психотерапевтической интеракции и формирования новой психологической и психиатрической культуры в социуме с уче-

том различных (традиционных и новых) реально существующих психиатрических школ и направлений, имеющих более или менее устоявшийся статус (психодинамическая, бихевиористическая или бихевиоральная, гештальттеоретическая или гештальт- гуманистическая, суггестивная), что, в свою очередь, подтверждает высказанную рядом ученых мысль о том, что в настоящий момент в нашей стране еще не в полной мере сформировалось понимание того факта, что психотерапия представляет собой весьма неоднородную специальность. Безусловно, ее становление потребует долгого времени и учета различных подходов, среди которых немаловажную роль может сыграть психология дискурса (психотерапевтическая коммуникация) в профессиональной деятельности психотерапевта.

Вот почему проблема оказания социально-психологической помощи, профилактики преморбидных состояний эмоциональной напряженности, профилактика психических (невротических) расстройств остается актуальной в связи с ростом показателя заболеваемости невротизмом и расширением диапазона этиопатогенетических факторов в различной сфере социальных отношений, часть которых обуславливает протрагированное течение невротических расстройств с патоморфозом клинической симптоматики, в том числе под влиянием лекарственной терапии.

В этой связи ведущие специалисты в области пограничной психиатрии (Б.Д. Карвасарский, 1975-2000; В.А. Мурзенко, 1975; В.А. Ташлыков, 1979, 1984; Г.Л. Исурина, 1982, 1990; С. Ледер, 1990, 1992; А.А. Александров, 1997; Ю.А. Александровский, 2000; А. Хайгл-Эверс, 2001; Д. Прохазка, 2005; S. Slavson, 1971; G.O. Gabbard, 2002 и др.) отмечают, что в терапевтическом комплексе основным методом оказания социально-психологической помощи и профилактики психогенных расстройств является психотерапия, в частности ее групповые формы, которые позволяют более эффективно восстанавливать нарушенные отношения личности с социальным окружением и обеспечивают перестройку их путем воздействия на все основные компоненты отношения – познавательный, эмоциональный и поведенческий. В этом плане групповая интеракция наиболее полно позволяет реализовать социоцентрический подход в современной психотерапии.

При всём разнообразии концепций и новейших подходов к ведению психотерапевтической профилактики (и даже лечению психогенных заболеваний) исследователи констатируют тот факт, что основные методы психотерапевтической профилактики (да и психотерапевтического, и психопрограммирующего воздействия вообще) реализуются через языковое общение (К.И. Платонов, 1963; Ж. Лакан, 1995; Б.Д. Карвасарский, 2000).

Однако, несмотря на признание приоритета языковой составляющей в психотерапии положение о том, что психотерапия является, прежде всего, речевой, языковой терапией, остаётся декларативным. В первую очередь такое положение связано с недостаточной разработанностью как статуса психотерапевтического воздействия в рамках психологии вообще, так и с практическим отсутствием лингвистических разработок в этой области, несмотря на определенное количество работ, посвященных психологической (А.А. Рома-

нов, 1995-2006) и коммуникативной специфике участников профессионального взаимодействия (И.Д. Агамалиева, 2002; Л.О. Андриюшина, 2003; Н.Ю. Воеводкин, 1999; Е.А. Жителева, 2005; А.П. Костяев, 2003; Ю.А. Носар, 2002; М.Е. Фролов, 2005; Д.А. Ходырев, 2003). При этом отмечается смещение акцента с описания устройства языка на изучение его функциональных (динамических) свойств, где объектом изучения является не просто текст, а личность в ее дискурсивно-интерактивном проявлении, причем в анализ введен вполне определенный национальный дискурс вместе с конкретными историко-, этно-, социо- и психолингвистическими особенностями его носителей (А.А. Леонтьев, 1967; Н.И. Жинкин, 1982; И.Н. Горелов, 1974, 1987; В.В. Налимов, 1974; Г.И. Богин, 1982; Ю.Н. Караулов, 1987 и др.).

Для практической деятельности психотерапевта особый интерес представляет изучение механизма вербального воздействия в аспекте изменения структуры самосознания личности в условиях социального взаимодействия. Основателями этого направления (Л.С. Выготский, 1982; А.Р. Лурия, 1973; Н.И. Жинкин, 1982; Д.Н. Узнадзе, 1975; Л.В. Щерба, 1974; С.Е. Osgood, 1953) показано, что любая вербальная интеракция обладает воздействующим свойством, преднамеренной перестройкой смысловой сферы личности, ее самосознания. Основные исследования вербальных аспектов психотерапии были намечены в рамках нового направления в лингвопсихологии, условно именуемого суггестивной лингвистикой. (А.Ф. Лосев, 1982; А.А. Леонтьев, 1997; А.А. Романов, 1995-2006; Д.Л. Спивак, 1980, 1983, 1985, 1986; И.Ю. Черепанова, 1992-2003).

Установлено, что многие психологические проблемы имеют свой коррелят в структуре личности, поэтому определенную роль в их разрешении играет активация лексикона личности, выявление новых связей между единицами вербально-семантического и тезаурусного уровней, поиск новых вербальных способов для выражения символов, образов, знаков стандартного для данной культуры, прецедентного, т.е. существующего в межпоколенной передаче дискурса или текста в виде информационного кванта (рассказа, жалобы, описания, нарратива, мифа, легенды, притчи и т.п.), для построения целостной и в то же время детальной модели индивидуального Я - личности, включающей структуру знаний о себе, самооценок, установок, целей, ценностей и предпочтений и т.д. (О.В. Веретенников, 2000; Р. Бернс, 1986; Дж. Келли, 2000; В.Ф. Петренко, 1988 и др.). Для психотерапевтической практики значимым является то, что специалисты получают возможность в течение определенного временного пространства получить максимум информации о том, как их собеседник (клиент/пациент) воспринимает самого себя на фоне других людей, чтобы наметить механизм изменения структуры его самосознания (И.Н. Козлова, 1978; Ф. Франселла, Д. Баннистер, 1987; Л. Хьелл, Д. Зиглер, 1997). Функциональная специфика этого механизма направлена на развитие синхронности смысловых нагрузок терапевтического дискурса / текста с его латентными признаками, отражающими воздействующие механизмы и неосознаваемые ресурсы индивидуального Я, изучение которых мо-

жет оптимизировать результативность и эффективность методов вербальной психотерапии.

Основным понятием в функционировании названного психотерапевтического механизма является понятие «диспозиции модальностей Я» собеседника-клиента. Понятие диспозиции представляет собой основную единицу психотерапевтического анализа Я-концепции субъекта (клиента, пациента). При этом каждая диспозиция может объединять одновременно сразу несколько модальностей Я в каком-либо единичном аспекте. Так, например, в аспектах восприятия своих нравственных, деловых, интеллектуальных, социальных и любых других качеств человек способен различать следующие модальности Я: «*каким Я был*», «*каким Я являюсь*», «*какое Я хочу производить впечатление*», «*каким Меня воспринимают другие*», «*каким Я хочу быть*» и т.п.

Существующие методы психотерапии, которые делают акцент на вербальную основу в своих воздействующих технологиях (нейролингвистическое программирование, сказкотерапия, библиотерапия, терапия творческим самовыражением, ауто - и гетеросуггестивные методы), не учитывают достижения современной лингвопсихологии и используют различные приемы исключительно в смысловом контексте (В.Н. Мясищев, 1960; К.И. Платонов, 1963; А.М. Миллер, 1975; В.Е. Рожнов, 1987; М.Е. Бурно, 1975, 1989; Р. Бэндлер, 1995; М. Эриксон, 1995; Д.Ю. Соколов, 2005; S.H. Sclabassi, 1973 и др.). Более того, в ряде работ по психо - и фоносемантике (В.П. Белянин, 1988, 1996, 1999; А.П. Журавлев, 1970; В.П. Петренко, 1982; А.А. Романов, 1999) было установлено, что позитивный на уровне смыслов дискурс или текст может иметь крайне негативную неосознаваемую эмоциональную окраску, т.е. речевое произведение может быть амбивалентным, с непредсказуемым результатом воздействия.

В контексте групповой психотерапии и оптимизации профилактики невротических расстройств разработка медицинской модели метода вербального утешения как метода (механизма) изменения структуры самосознания личности перспективна, а его применение может обеспечить научное обоснование способов терапевтического воздействия вербальными методами психотерапии.

В качестве **объекта исследования** выступает процесс изменения структуры самосознания личности в условиях дискомфорта переживания, который может осуществляться путем социально-психологической помощи в виде терапевтической интеракции в различных сферах социальных отношений, а **предметом исследования** являются условия, обеспечивающие эффективность социально - психологической помощи в виде вербального конструкта утешения как воздействующего механизма изменения самосознания личности.

Основная **цель исследования** заключается в определении условий, обеспечивающих эффективность социально-психологической помощи личности в условиях дискомфорта переживания и в изучении терапевтической эффективности метода вербального утешения как профилактического

метода изменения структуры самосознания личности у собеседников (клиентов / пациентов) в преморбидном состоянии неврозов и невротических расстройств.

Общая цель обусловила постановку и решение следующих конкретных исследовательских **задач**:

- адаптировать метод вербального утешения как метод социально-психологической помощи с целью изменения диспозиции модальностей Я-личности для профилактики преморбидных форм невротических состояний и расстройств;

- изучить динамику психотерапевтического процесса изменения диспозиции модальностей Я-личности у участников психотерапевтической коммуникации;

- описать терапевтические факторы метода вербального утешения с учетом факторов изменения диспозиции модальностей Я-личности у участников психотерапевтической коммуникации;

- оценить эффективность метода вербального утешения как метода изменения диспозиции модальностей Я-личности в процессе оказания социально-психологической помощи при различных формах невротических расстройств по ближайшим и отдалённым результатам психотерапевтического воздействия;

- предложить репертуар ролевых персонажей в описании ситуационных и непроницаемых конструкторов для эффективного использования факторов изменения диспозиции модальностей Я-личности в психотерапевтической интеракции;

- разработать практические рекомендации по применению метода вербального утешения как метода изменения диспозиции модальностей Я-личности в психотерапевтической практике для оказания социально-психологической помощи и профилактики преморбидных форм невротических состояний и расстройств.

Теоретико-методологической основой работы являются:

- психологическая теория деятельности (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Б.Г. Ананьев, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец и др.);

- системный подход к исследованиям профессиональной деятельности (Л.С. Выготский, П.К. Анохин, Б.Ф. Ломов, В.М. и др.);

- концептуальные схемы психологического исследования профессиональной деятельности (Б.Г. Ананьев, К.К. Платонов, В.П. Зинченко, Е.А. Климов, М.М. Решетников, А.Ф. Шикун и др.).

В работе нашли применение следующие **методы исследования**: индуктивно-дедуктивный метод, позволяющий осмыслить и обобщить соответствующий теоретический и практический материал; при проведении диссертационного исследования применялись также теоретические и экспериментальные методы психологии труда, адекватные цели и задачам работы, в частности: наблюдение, беседа, анализ продуктов профессиональной деятельности, анкетирование, тестирование, метод групповой терапии.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в сле-

дующем:

1. Установлено, что наибольшая эффективность социально - психологической помощи личности, находящейся в условиях дискомфорта, в виде вербального утешения достигается не на основе прямого воздействия на личность, а посредством предъявления и последующего отождествления личности с социально - значимыми образцами мотивации и поведения в специально созданной ситуации, главными характеристиками которой являются осознанием высокой ценности социального образа жизни, морали и первичного социального окружения (коллектива).

2. Впервые в психотерапевтической практике применен метод социально - психологической помощи личности в виде акта вербального утешения для изменения диспозиции модальностей Я-личности у участников психотерапевтической интеракции и произведена оценка эффективности метода вербального утешения личности различных преморбидных форм невротических состояний и расстройств.

3. Эффективность социально-психологической помощи в виде вербального утешения достигается включением личности в комплексную высокосо-держательную совместную с психотерапевтом деятельность, актуализирующую такие характеристики личности, как доверие, духовность, творчество и искренность. Указанные качества личности проявляются в условиях приоритета созидательного и благожелательного социально-психологического климата над формальным поведением.

Практическая значимость проведенного исследования определяется возможностью применения его основных рекомендаций, положений, выводов и методики анализа в практике работы школ, в учебном процессе вузов, а также при проведении профилактических мероприятий изменения диспозиции модальностей Я-личности в системе жизненных сценариев, требующих социально - психологической помощи личности в виде утешения. Полученные в результате исследования данные об эффективности вербального механизма утешения с целью изменить диспозиции модальностей Я-личности позволяют рекомендовать метод к применению в психотерапевтической практике для профилактики преморбидных форм невротических состояний и расстройств. Целенаправленное использование вербальных ресурсов в психотерапевтическом процессе оптимизирует действие лечебных факторов психотерапии, позволяет усилить психотерапевтическое воздействие, обеспечивает эффективность профилактики преморбидных форм невротических состояний и расстройств у клиентов с различными пограничными расстройствами. Учет достижений современных вербальных методик психотерапии дает возможность составлять тексты психотерапевтических сеансов с заранее заданными параметрами, конгруэнтные по смыслу и неосознаваемые по содержанию.

Наиболее существенные результаты исследования сформулированы в следующих **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Стратегия социально-психологической помощи утешения личности должна быть направлена на создание таких развивающих социальных сред, в рамках которых находящаяся в дискомфортных условиях личность сможет

реализовать собственные возможности для продуктивной коррекции жизненных целей, переориентации ценностей, совершенствования способов, форм коммуникаций, нравственных установок посредством идентификации с высоконравственными социально значимыми образцами поведения.

2. Создание развивающихся социальных сред в виде системы жизненных сценариев обеспечивается внедрением комплекса специально разработанных социотехник в рамках функционирования вербального конструкта «утешение», являющегося достаточно эффективным способом для изменения диспозиции модальностей Я-личности при профилактике преморбидных форм невротических состояний и расстройств.

3. Разработана и апробирована социально-психологическая технология использования метода вербального утешения личности в условиях психотерапевтической профилактики преморбидных форм невротических состояний и расстройств, а также подготовлен и внедрен комплекс социотехник помощи в обеспечении преодоления дискомфортных переживаний личности в системе жизненных сценариев.

4. Полученная в процессе психотерапевтических сеансов вербальная продукция их участников может служить дополнительным диагностическим критерием и являться основой для последующей психопрофилактики и психокоррекции.

Апробация диссертации осуществлялась в различных формах. Основные положения диссертации обсуждены на научных и научно-практических конференциях различного уровня, в том числе на *двух международных конференциях* (Международном симпозиуме «Гендерные основания механизмов профилактики девиантного поведения личности и малых групп в 21 веке», Москва – Кострома, 2005 г.; Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию ЮНЕСКО «Психология на пути к пониманию человека и социума: Новая психическая реальность изменяющейся России», Тверь, 2006 г.), на 20-й межвузовской научно-методической конференции «Совершенствование содержания образования в контексте реализации приоритетного национального проекта», Тверь, 2006 г. Результаты исследования регулярно обсуждались на заседаниях межвузовского теоретического семинара «Языковое пространство личности» при кафедре общего и классического языкознания Тверского государственного университета, а также на заседаниях межвузовского семинара «Регулятивный мир диалогической коммуникации» при кафедре теории языка и межкультурной коммуникации ТГ-СХА.

По теме диссертации опубликовано семь статей общим объемом 2,8 п.л., из них три публикации осуществлены в изданиях, которые входят в список ВАК.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, (включающей 238 наименований, в том числе 29 на иностранном языке), приложений. В диссертационной работе 187 страниц основного текста, 8 таблиц, 2 рисунка.

Материалом диссертационного исследования послужили результаты

проведенных психотерапевтических сеансов, в которых были задействованы 166 участника с различными формами невротических расстройств.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается обоснование выбора темы, ее актуальность, формулируются цель и задачи исследования, описывается его материал, обосновывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, приводятся положения, выносимые на защиту, а также данные об их апробации и внедрении, описывается структура диссертации.

В **первой главе** «Психотерапевтический акт утешения как единица анализа внутреннего мира состояний сознания утешаемого» определяются возможности подходов к рассмотрению многомерного феномена «психотерапевтический акт утешения», рассматривается взаимодействие категориальных характеристик, детерминирующих интерактивный статус вербальных форм, которые используются в психотерапевтическом акте утешения, обозначается манифестационно-содержательная сфера реализации вербальных практик со значением утешения.

В первую очередь обсуждается базовое категориальное понятие – «диспозиция модальностей Я», которую следует рассматривать как единицу анализа индивидуального «Я». Человеческое «Я», безусловно, является чрезвычайно сложным объектом. Оно с трудом «умещается» в исследовательские процедуры. Важно отметить, что до сих пор не существует психодиагностических методик, которые захватывали бы Я-концепцию целиком. В этом плане уже сама по себе попытка привнести в психологию понятие единицы анализа Я-концепции может считаться оправданной. Использование единицы анализа Я-концепции может быть успешным, если диспозиция модальностей Я действительно способна отражать все основные характеристики целого, то есть Я-концепции, так как она позволяет не эклектично, а на единой концептуальной основе соединить различные подходы к проблеме «Я».

Я-концепция определяется как «целостный, хотя и не лишенный внутренних противоречий, образ собственного Я, выступающий как установка по отношению к самому себе и включающий компоненты: когнитивный – образ своих качеств, способностей, внешности, социальной значимости и т.д. (самоосознание); эмоциональный – самоуважение, себялюбие, самоуничижение и т.д.; оценочно-волевой – стремление повысить самооценку, завоевать уважение и т.д.» (А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский (ред.). Психология. Словарь, 1990: 478).

Существующая неоднородность в структуре Я-концепции детерминруется целым рядом требований к ее целостности. Так, У. Джеймс предлагает различать *рефлексивное (познающее)* и *эмпирическое (познаваемое)* Я так, как различаются *процесс* и *результат*. Результат процесса самопознания и является, собственно, Я-концепцией. Р. Берн, определяя Я-концепцию как *совокупность установок, направленных на самого себя*, выделяет в ней три основных элемента: а) образ Я – представление индивида о самом себе, б)

самооценку как аффективную оценку этого представления, которая может обладать различной интенсивностью, поскольку конкретные черты образа Я могут вызывать более или менее сильные эмоции, связанные с их принятием или осуждением и в) потенциальную поведенческую реакцию, то есть те конкретные действия, которые могут быть вызваны образом Я и самооценкой. Очевидно, что фактически и в первом, и во втором определении речь идет об одних и тех же компонентах структуры «Я»: когнитивном, аффективном и регуляторно-волевом.

В работе выдвигается целый ряд требований к единице анализа, которые сведены к следующему перечню: **1)** она должна включать когнитивный, аффективный и волевой компоненты; **2)** в ней должны быть представлены все модальности Я, а именно: *актуальное Я* (какой Я есть сейчас); *идеальное Я* (каким Я хочу стать); *динамическое Я* (каким Я намерен стать); *отраженное Я* (каким, Я думаю, меня воспринимают другие); *маска* (каким Я хочу казаться); *фантастическое Я* (каким Я хотел бы быть, если бы это было возможно); **3)** она должна отражать социальное окружение; **4)** в ней должны быть представлены осознаваемые и неосознаваемые компоненты; **5)** она должна захватывать сферу, обозначаемую «Мое»; **6)** в ней должны содержаться иерархические отношения; **7)** она должна выполнять функции обеспечения внутренней согласованности, интерпретации опыта и антиципации (т.е. выступать как источник ожиданий).

Примечательно, что аспекты Я – это всевозможные оттенки модальностей. Например, и в актуальном Я, и в идеальном Я можно различить физический, социальный, интеллектуальный, профессиональный и т.п. аспекты. Репрезентируя социальное взаимодействие, единица анализа должна отражать идеальную представленность социального окружения как основу самопознания и самоотношения. Я-концепция предстает, по К. Роджерсу, как организованный, последовательно концептуальный гештальт, составленный из восприятий свойств «Я» или «меня» и восприятий взаимоотношений «Я» или «меня» с другими людьми и с различными аспектами жизни, а также с ценностями, которые связаны с этими восприятиями. Это гештальт, который доступен осознанию, хотя не обязательно осознаваемый. Безусловно также и то, что к сфере «Я» относится все то, что человек считает своим.

Уровневое строение «Я» подчеркивается многими исследователями. Основания для выделения уровней, конечно же, различаются. Иногда уровни индивидуального Я рассматриваются и собственно как уровни, и как фазы развития самосознания. В обсуждаемой концепции учитывается иерархичность Я-концепции, так как она позволяет соединить разные теоретические взгляды не только на иерархичность Я, но и включить в ее сферу деятельности другие «иерархии», в частности, иерархичность мотивационной сферы личности, в понимании А.Н. Леонтьева, и иерархичность системы индивидуальных конструктов, как ее понимал Дж. Келли.

Говоря о структурной целостности Я-концепции, нельзя обойти вниманием функции Я-концепции, которые не менее разнообразны. Функция выполняет важнейшую роль в организации поведения человека. И от того, что

человек сам о себе думает, зависят **а)** принятие решений о выборе работы, супруга, друга, хобби и т. д., **б)** процессы адаптации, способы психологической защиты, **в)** индивидуальный стиль деятельности, общения, жизни, **г)** реакции на события и поступки других людей, и многое другое. Задача классификации функций Я-концепции не является предметом анализа, хотя и может вылиться в отдельную и достаточно объемную работу. В данном случае упоминаются три общепризнанные и главнейшие функции Я-концепции (соответственно и требования к единице анализа), как их определил Р. Берн: 1) обеспечение внутренней согласованности, 2) интерпретация опыта и 3) Я-концепция как источник ожиданий.

Понятие диспозиции модальностей «Я» производно от двух понятий, составляющих основу теории личных конструктов Дж. Келли, а именно – конструкт и элемент. Конструкт – это субъективное средство, которое человек использует для интерпретации, оценки и прогнозирования событий окружающего мира, в том числе и поведения, как своего собственного, так и других людей. В самом названии конструкт отражено то обстоятельство, что это средство сконструировано самим человеком. Одной из главных характеристик конструкта является его биполярность, т.е. он имеет два полюса (хороший – плохой, низкий – высокий и т. п.). И хотя Дж. Келли противопоставлял конструкт, как смысловую единицу, понятию, вряд ли в целях исследования психотерапевтического воздействия при помощи утешения (механизм перевода Симптома в Исходную форму, по К. Уилберу) следует делать подобное противопоставление. Если следовать формально логической традиции, то конструкт представляет собой определенный тип отношений между понятиями-антонимами. Этот тип отношения понятий в логике называется противоположностью (контрарностью). Он предполагает, что кроме понятий-антонимов существует по крайней мере еще одно среднее понятие, относящееся к тому же роду и разделяющее объемы крайних. Другими словами, отношение противоположности предполагает континуальность, например, высокий, низкий, а между ними – средний. Таким образом, конструкт – это смысловая единица более высокого уровня, чем понятие, это контрарный тип отношения понятий.

Используя метод вербального утешения, следует иметь в виду, что каждый конструкт применим не ко всем объектам, а только к некоторым из них. Последние называются элементами. Например, конструкт «высокий – низкий» может быть применен к домам и людям, но он не применим к погоде или насекомым. Важно также иметь в виду, что для разных сфер жизнедеятельности (или предметных областей) у человека существуют разные конструктивные системы. Конструкты, которые применяются для описания автомобилей, животных или людей различаются как по составу, так и по содержанию (семантике). Поэтому вербальные ярлыки типа «высокий – низкий» наполняются конкретным содержанием тогда, когда они включаются в контекст вполне определенной области, представленной вербальным дискурсом утешения. Иначе говоря, только тогда увязывается конкретное содержание с конкретной проблемой человека или дискомфортным состоянием,

когда конструкт применяется к какому-либо классу однородных объектов. Например: высокий дом – это одно, высокий человек – другое, а высокая цель – третье. Поэтому содержание конструкта будет определяться его смысловыми связями с другими конструктами, описывающими тот же самый класс объектов.

В предлагаемом подходе использования вербального акта утешения особенно следует подчеркнуть неразрывность связи конструкта с теми элементами, для описания которых он предназначен. В этом плане наиболее важными элементами являются модальности Я, т.е. многообразные оттенки самовосприятия, которые можно выделить в самоописаниях дискомфортного состояния пациентов. Необходимо также учесть, что некоторые модальности имеют самостоятельные названия, например, актуальное Я, идеальное Я и т.д., другие самостоятельных названий не имеют. Однако важно иметь в виду, что *любая модальность может быть выражена языковыми средствами*: «Я являюсь ...»; «Я был ...»; «Я хочу стать ...»; «Я вынужден быть ...»; «Я мог бы быть ...» и т. д.

Характерно, что каждая диспозиция способна объединять несколько модальностей «Я» в каком-либо единичном аспекте. Например, в аспектах восприятия своих нравственных, деловых, интеллектуальных, социальных и любых других качеств человек способен различать следующие модальности Я: «каким Я был»; «каким Я являюсь»; «какое Я хочу производить впечатление»; «каким меня воспринимают другие»; «каким Я хочу быть» и т.п. Несмотря на то, что в мире деятельности субъекта существует большое количество модальностей Я, как правило, человек концентрирует внимание всего лишь на одном-двух аспектах своего Я. Например, в констатирующем высказывании-жалобе «Я ленива, хотя и не хочу быть такой» представлены (звучат) две модальности: *актуальное Я* (какая Я есть) и *идеальное Я* (какой хочу/не хочу быть). Остальные модальности в этом высказывании или конструкте не представлены, что, конечно же, не означает, что они не существуют и что они никак не влияют на поведение субъекта в различных сферах, в том числе и профессиональной, его жизнедеятельности.

Диспозиция интегрирует множество модальностей Я, побуждая человека к одному способу поведения и удерживая от другого. Она придает некоторую оценочную окраску (и внутреннюю – субъективную, и внешнюю – как видится со стороны) конкретному человеческому поступку в конкретной ситуации, которая может поддаваться определенному шкалированию.

Диспозиция модальностей Я-личности двояка: она и устойчива, и динамична. Однажды сформировавшись, диспозиция стремится сохранять внутреннюю структуру и свойственные ей функции, побуждая человека воспроизводить одну и ту же – вплоть до стереотипной – линию поведения, принимать однотипные решения и делать однотипные выводы и заключения, ср.: «У меня некрасивые зубы, значит – я не могу понравиться»; «У меня некрасивые зубы, значит – у меня некрасивое лицо»; «У меня некрасивое лицо, значит – меня не возьмут на работу в офис» и т.п. Иначе говоря, диспозиции «ответственны» не только за исполнение конкретных действий и поступков,

но также и за формирование долгосрочных поведенческих программ в виде индивидуального стиля деятельности и даже жизни.

Диспозиции модальностей Я-личности существуют не изолированно, они образует горизонтальные и вертикальные (иерархические) структуры, которые и составляют Я-концепцию – высший уровень регуляции поведения человека. Выявляя типы диспозиций любых модальностей Я, можно определить и их структуры, что, в свою очередь, помогает интерпретировать все самооценочные диспозиции, образованные тремя модальностями Я (*актуальным Я, идеальным Я и Я-воспоминанием*) и соотнести их с одним из семи возможных типов: *конфликт, ностальгия, мечта, развитие, инерция, достижение, ценность*. Более того, анализ типовых диспозиций Я-личности позволяет исследовать образы других людей (как их воспринимает клиент), фиксировать такие феномены социального восприятия, как «розовые» или «черные» очки, деление людей на своих и чужих, а также позволяет вскрывать логические противоречия в оценке себя и других.

Типовая диспозиция Я-личности может быть когнитивно дифференцирована, т.е. ее можно использовать и в традиционном для репертуарных тестов режиме, а именно – для исследования семантических структур индивидуального сознания. Варьируя списком элементов, психотерапевт может выходить на исследование самых разнообразных аспектов индивидуального сознания и самосознания: «Я в социуме»; «Я в мире профессий»; «Я в семье», «Я в коллективе» и т.п. В этом плане типовая диспозиция Я-личности может использоваться как средство глубокого проникновения в индивидуальный мир человека. Кроме того, она является весьма эффективным психотерапевтическим средством в решении определенных психологических проблем конкретного человека и может быть с успехом адаптирована для задач профориентации, профотбора, оценки кадров, социально-психологической диагностики коллективов, межличностной совместимости, маркетинговых исследований и т.д.

Во **второй главе** «Вербальное утешение и стратегии его реализации в жизненных сценариях психотерапевтической практики» представлено описание стратегий выявления типов диспозиции модальностей в иерархической структуре Я-концепции клиентов с выраженным дискомфортным состоянием с целью снятия таких форм предморбидных состояний при помощи вербального дискурса утешения.

Объем контрастности конструктивного пространства «утешение» представляет собой не что иное, как содержание элементов «лада» и содержание элементов «разлада» мира личности, противопоставленных по конкретному параметру утешенность versus неутешенность в объеме самого конструкта утешения. Содержание последних можно представить как два полюса в пространстве возможных внутренних состояний субъекта при описании конструкта «утешение».

Функциональная суть интерактивного акта УТЕШЕНИЕ связана с процессом вывода клиента из полярной зоны разлада путем изменения диспозиции модальностей его Я в сторону лада как контрастной позиции конструкта

«утешение». Очевидно также и то, что такое изменение самосознания личности путем выхода из указанной зоны может быть достигнуто двумя принципиально различными путями. Первый путь представляет собой движение внутреннего состояния личности клиента в сторону Лада с учетом составляющих (компонентов) такого движения. Данный вид утешения можно именовать реальным или очевидным утешением.

Второй путь – это смещение в сторону своего полюса субъективной границы полярной области Разлада. И если в этом случае возникает ситуация, в которой личность не осуществляет смены диспозиции модальностей своего Я и поэтому не происходит никаких изменений в контрарных отношениях между полюсами конструкта УТЕШЕНИЕ, а душевное состояние личности остается без изменений, т.е. остается дискомфортным, то такое утешение можно назвать мнимым.

Утешение как интерактивный воздействующий акт практически всегда сопряжен с предметной сущностью того или иного фрагмента наличной ситуации, в которой утешающий подыскивает, а утешаемый с его помощью находит элементы Лада на пути выхода из Разлада или на линии расположения диспозиций модальностей Я. Предметная сущность может быть чрезвычайно разнообразной и способна охватывать в идеале всевозможные предметы как материального, так и идеального порядка.

Другими словами, в практике утешающей интеракции с давних пор применяются предметные сущности (материального или идеального порядка) как знаки-медиаторы, для того чтобы клиенты их воспринимали как предметы утешения и увидели в них содержательные компоненты Лада. В этом заключается прагматограмма взаимодействия психотерапевта с клиентом по выводу последнего из Разлада и для достижения им Лада.

Исходя из понимания психотерапевтического утешения как вербализации элементов Лада, возникает возможность очертить круг стратегий, используемых психотерапевтом в целях изменения установок утешаемого. Под стратегией в работе понимается аргументированный выбор средств для оптимальных действий достижения результирующего эффекта в пределах конкретного интерактивного сценария взаимодействия его участников.

Основанием для выделения, определения и выбора стратегической линии поведения психотерапевта в интерактивном пространстве УТЕШЕНИЕ является установка психотерапевта на определение и конкретный выбор того или иного из трех предметов оценки: наличие Разлада как такового и фиксация его объема, ситуация дискомфортного состояния с ее параметрами, а также утешаемый пациент с его позиционированием личных модальностей и их корреляций с ситуацией дискомфортного состояния.

Как показывает практика, стратегии утешения (стратегия религиозного утешения, переориентации, моральной поддержки, смены фокуса, фатализма, изоморфизма, преодоления) реализуются не в изолированном варианте друг от друга, а используются комплексно и в различных вариантах и сочетаниях, в зависимости от специфики диспозиции модальностей Я личности пациента, отражающей в общем виде фреймовую конфигурацию дискомфортной ситуа-

ции Разлада. Определенные стратегии доминируют в определенной ситуации, а другие способны их взаимно дополнять или перерастать одна в другую. Конкретную конфигурацию стратегического комплекса всегда отражает только дискомфортная ситуация Разлада.

В **третьей главе** «Смысловые и психопрагматические трансформации дискурса утешения как маркеры изменения личностных установок» представлено описание смысловых и психопрагматических трансформаций дискурса утешения (утешающего дискурса или психотерапевтического дискурса утешения), маркирующих изменения личностных установок утешаемого (клиента, пациента) как участника психотерапевтической практики.

Психотерапевтический дискурс с установкой на утешение строится психотерапевтом как целостная структура, объединяющая целевую (иллюкативную, прагматическую) и тематическую (когнитивную) программы. Целевая программа является глобальной прагматической метатекстовой переменной, которую можно рассматривать как инвариантный структурно-образующий фактор (катеорию) всего психотерапевтического дискурса. Инвариантная структура дискурса утешения служит основой психопрагматических трансформаций психотерапевта (утешающего) и пациента (утешаемого).

Исходя из представления о континуальности информационной структуры психики, основой моделирования психотерапевтического дискурса можно считать целевую программу психотерапевта, ориентированную на изменение установок пациентов.

Описанные структурные характеристики (семантическое поле, уровень золотого сечения, и др.) могут служить основанием для построения других вербальных моделей целеполагающего психотерапевтического дискурса и пригодны для создания (или разработок новой) экспертной системы прогнозирования направленного речевого воздействия.

Трансформации инвариантной структуры психотерапевтического дискурса являются экспликацией целевых программ психотерапевта и пациентов, показателем преобразований информационной структуры психического континуума утешаемого.

В **заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, определяются перспективные направления дальнейшего исследования проблемы и формулируются следующие **выводы**:

1. Наибольшая эффективность социально - психологической помощи личности, находящейся в условиях дискомфорта, в виде вербального утешения достигается не на основе прямого воздействия на личность, а посредством предъявления и последующего отождествления личности с социально - значимыми образцами мотивации и поведения в специально созданной ситуации, главными характеристиками которой являются осознанием высокой ценности социального образа жизни, морали и первичного социального окружения (коллектива).

2. Метод социально - психологической помощи личности в виде акта вербального утешения применяется в реальной практике для изменения диспозиции модальностей Я-личности у участников психотерапевтической ин-

терапии, позволяющий производить оценку эффективности метода вербального утешения личности различных преморбидных форм невротических состояний и расстройств.

3. Эффективность социально-психологической помощи в виде вербального утешения достигается включением личности в комплексную высокосодержательную совместную с психотерапевтом деятельность, актуализирующую такие характеристики личности, как доверие, духовность, творчество и искренность. Указанные качества личности проявляются в условиях приоритета созидательного и благожелательного социально-психологического климата над формальным поведением.

4. Создание развивающихся социальных сред в виде системы жизненных сценариев обеспечивается внедрением комплекса специально разработанных социотехник в рамках функционирования вербального конструкта «утешение», являющегося достаточно эффективным способом для изменения диспозиции модальностей Я-личности при профилактике преморбидных форм невротических состояний и расстройств.

5. Разработанная и апробированная социально-психологическая технология использования метода вербального утешения личности в условиях психотерапевтической профилактики преморбидных форм невротических состояний и расстройств позволяет оценивать состояние адаптированности в рамках единства индивидуально- и социально-психологического уровней личностей.

6. Подготовлен и внедрен в практику психотерапевтической интеракции комплекс социотехник психологической помощи в обеспечении преодоления дискомфортных переживаний личности в системе жизненных сценариев.

7. Полученная в процессе психотерапевтических сеансов вербальная продукция их участников может служить дополнительным диагностическим критерием и являться основой для последующей психопрофилактики и психокоррекции

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Немец Н.Г., Романов А.А. Диалогическая природа интерактивных практик утешения // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Психологические науки: Акмеология образования, 2006. – Т. 12, № 3. – С. 41 – 43.

2. Немец Н.Г. Модель личностного мира внутренних состояний, представляющая сферу «Я» утешаемого в жизненных сценариях // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Психологические науки: Акмеология образования, 2006. – Т. 12, № 4. – С. 63 – 65.

3. Немец Н.Г. Дискурсивные практики утешения как конструкты сферы «Я» утешаемого в жизненных сценариях // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Сер. Психологические науки:

Акмеология образования, 2006. – Т. 12, № 4. – С. 96 – 99.

Другие научные публикации:

1. Немец Н.Г. Психотерапевтическая дискурсия и психоанализ // Краеведческая психология. Российский научно-методический журнал. – Тверь: ТвГУ, Ярославск. ГУ, 2005. – С. 268-278.

2. Немец Н.Г. Утешение как результат взаимопонимания в медицинском психотерапевтическом ритуале // Гендерные основания механизмов и профилактики девиантного поведения личности и малых групп в XX веке. Материалы международного симпозиума. Кострома, 27-28 октября 2005 г. – Москва – Кострома: Институт психологии РАН, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – С. 265-267.

3. Немец Н.Г. Гендерная характеристика конфликтных вербальных практик в психотерапевтической коммуникации // Гендерные основания механизмов и профилактики девиантного поведения личности и малых групп в XX веке. Материалы международного симпозиума. Кострома, 27-28 октября 2005 г. – Москва – Кострома: Институт психологии РАН, КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – С. 296-301.

4. Немец Н.Г. Когнитивная основа психотерапевтической коммуникации: синергетический подход // Актуальные проблемы психологии труда. Том 3. – Тверь: ТвГУ, 2006. – С. 57-63.